

III. Славяне вне исторической родины

И.Ф. Макарова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Российские диаспоры как элемент этнодемографической карты Дунайского вилайета (60-е годы XIX в.)

Abstract:

Макарова И.Ф. *Russian Diasporas as an Element of the Ethnic and Demographic Map of the Danube Vilayet in 1860s.*

The article shows the impact of mass migration from Russia to Turkey on the ethnic and demographic situation in the Danube Vilayet of the Ottoman Empire in 1860s. The author is inclined to see the migratory flow from Russia as symmetrical to the one that proceeded from Ottoman Empire to the Southern Russian territories.

Ключевые слова: Россия, Османская империя, Дунайский вилайет, Добруджа, старообрядцы, некрасовцы, молokane, мухаджирь, крымские татарь, черкесь.

В историографии принято называть Дунайский вилайет болгарской провинцией Османской империи или же просто Болгарией. Это административно-территориальное образование, созданное в 1864 г., охватывало огромную территорию к югу от Дуная: от реки Тимок на западе до Черного моря на востоке. Согласно материалам османской статистики, к 1864 г. население вилайета составляло 1 994 827 человек, из которых 819 226 были мусульманами, а 1 175 601 – представителями иных вероисповеданий¹. Более детальную картину дают итоги официальной переписи, проведенной в 1866 г. и опубликованной болгарским историком Н. Тодоровым. Эта перепись учитывала мужчин-налогоплательщиков в пунктах с населением более 3 тыс. жителей. Согласно полученным данным, из выявленных 1 610 040 человек на долю христиан приходилось 727 300 душ, мусульман – 653 200, переселенцев-мусульман – 70 250, цыган-мусульман – 38 750, цыган-христиан – 14 850, армян-григориан – 20 990, иудеев – 50 710, католиков и прочих – 33 990².

При анализе материалов османской статистики в болгарской исторической науке, включая новейшие исследования³, существует тенденция к отождествлению христиан Дунайского вилайета главным образом с болгарями. Не оспаривая тезис о доминирующем положении болгарской этнической общности среди христиан региона, хотелось бы, однако, обратить внимание на иную сторону вопроса, а именно на статистику, указывающую на присутствие в данной провинции большого количества выходцев из России. Сведения об этой категории налогоплательщиков можно обнаружить в руб-

риках «христиане» (т.е. православные), «прочие» и «переселенцы-мусульмане». В литературе по отношению к российским переселенцам нередко употребляется термин «диаспоры», что представляется вполне уместным, учитывая масштабы их концентрации в некоторых районах вилайета.

В османских налоговых регистрах стратификация всех налогоплательщиков осуществлялась по конфессиональному принципу, не являлись исключением и представители российских диаспор. Из их числа лишь относительно небольшая часть имела шансы быть занесенной в рубрику «христиане», т.е. православные. Вместе с православной паствой Дунайского вилайета – болгарами, греками, сербами, влахами, молдаванами и гагаузами в данный контингент попадали в основном беглые крестьяне из южных губерний Российской империи (преимущественно малороссы) и потомки запорожских казаков. Отдельный сегмент занимали русские старообрядцы, делившие вместе с католиками, униатами, протестантами и гонимыми на исторической родине сектантами, почетное место в рубрике «прочие», предназначенной для приверженцев нетрадиционных для Османской империи конфессий. Отдельную категорию составляли выходцы из районов Крыма и Северного Кавказа, имевшие вместе с переселенцами-албанцами особые налоговые льготы мусульманских беженцев (мухаджиров).

Налоговая перепись 1866 г. четко определяет основные места концентрации переселенцев из России в городах и поселках Дунайского вилайета. Подавляющее большинство мухаджиров было зарегистрировано в Балчике, Провадии, Варне, Хаджиоглу-Пазарджике, Тульче, Бабадаге, Мачине, Меджидии, Сулине, Манкалии⁴, т.е. на территории Добруджи. Лишь небольшое их количество, скорее всего, вынужденных переселенцев из Сербии – 2020 человек, обнаруживается в трех населенных пунктах центрального и северо-западного округа – Орхание, Кюстендиле, Радомире⁵. «Прочих», т.е. приверженцев нетрадиционных конфессий, перепись выявила исключительно в той же Добрудже, а именно в Тульче, Мачине, Сулине, Хаджиоглу-Пазарджике⁶. Учитывая крайне незначительное количество в этом районе Балкан католиков, униатов и протестантов⁷, цифра 33 990 может указывать на приблизительную численность мужской части русских переселенцев из числа старообрядцев и сектантов. Если же принять во внимание размер семей, типичный для этих категорий населения, это число вырастет в разы.

Таким образом, материал вышеприведенной статистики, свидетельствуя о значительной концентрации переселенцев из России, позволяет поставить вопрос об их влиянии на этнодемографическую ситуацию в Дунайском вилайете.

По единодушному мнению историков, демографов и этнографов, в середине XIX в. именно Добруджа – район предпочтительного расселения

представителей российских диаспор, отличалась особой этнической пестротой. На ее территории проживали не менее 12 народностей (болгары, турки, греки, гагаузы, вlahи, молдаване, албанцы, венгры, татары, русские, украинцы, горцы Северного Кавказа), при этом удельная плотность населения в целом и болгарского этноса в частности была минимальной⁸.

Среди представителей российских диаспор Добруджи в числе первопроходцев были старообрядцы. Хотя первые сведения о присутствии донских казаков в Подунавье относятся к концу XVII в., начало массовой миграции старообрядцев в Османскую империю и вассальные по отношению к ней земли Крымского ханства и Дунайских княжеств относится, скорее всего, к первым десятилетиям XVIII в.⁹. После подавления в 1708 г. восстания Кондрата Булавина донским казакам под предводительством атамана Игната Некрасова было разрешено обосноваться на землях крымского хана, откуда они впоследствии расселились по территории Малой Азии и в устье Дуная. В новейшей историографии нет единого мнения относительно времени водворения казаков-некрасовцев в Добрудже. Однако большинство исследователей склоняется к мнению о наличии двух основных переселенческих волн: 40-х годов XVIII в. и 1770 – начала 1780-х годов¹⁰.

Главным центром размещения некрасовцев в Добрудже стал район между лиманами Разельм и Головиц и земли в долине р. Слава. Промышляли они преимущественно рыбной ловлей, в городах не селились. По информации, собранной в 1845 г. чиновником российского Министерства внутренних дел Н.И. Надеждиным, на тот момент их наиболее крупными станицами считались Сарикиой, Слава и Журиловка, составлявшие закрытый для внешнего мира анклав, в котором проживали около 8 тыс. казаков¹¹. Однако в количественном отношении некрасовские поселения, как и старообрядцев в целом, стабильностью не отличались. Для данной категории населения была характерна высокая степень мобильности, определяемой, в значительной степени, внешнеполитическим фактором – военными действиями в регионе и государственной принадлежностью пограничных территорий. Большие сложности при определении количественного состава некрасовцев и старообрядцев связаны также с чрезвычайной скудостью источниковедческой базы и фактором неопределенности при их дифференциации. Например, в 1806 г. численность некрасовцев в Добрудже достигала, по данным русской разведки, 15 тыс. человек (около пятой части населения региона), в 1828–1829 гг. офицеры русского Генерального штаба определяли их численность в 3 тысячи, в 40-х годах. XIX в. речь шла более чем о 10 тысячах старообрядцев, а выборочная статистика второй половины 50-х годов указывает о наличии лишь в нескольких некрасовских станицах (Сарикиой, Журиловка, Слава, Гиздар-Киой, Камень) около 900 домохозяйств¹². Невоз-

можно при этом достоверно определить в каком случае речь действительно шла о некрасовцах, а в каком просто о русских старообрядцах.

На землях Османской империи некрасовцы жили обособленными общинами, доступ в которые был закрыт для всех иных категорий населения, в том числе и для прочих старообрядцев¹³. Их общины имели особый привилегированный статус полуавтономных военизированных поселений, на территории которых действовали законы Кубанского войска и функционировал институт внутреннего самоуправления¹⁴. Являясь приверженцами дониконновской формы обрядности, они отвергали юрисдикцию константинопольского патриарха и обладали полной автономией в вопросах церковно-административного характера. Их социальная льгота предусматривала и освобождение от обязательного для всех иноверцев подушного налога. Обусловлена она была обязательством казаков служить в турецкой армии (в составе османского войска, но в качестве отдельных подразделений во главе со своими атаманами). Свои привилегии некрасовцы сохраняли вплоть до 1864 г. Намерение Порты превратить их эпизодическую воинскую повинность в регулярную привело тогда к официальному отказу некрасовских общин от особого статуса и переходу казаков в категорию рядовых налогоплательщиков, относящихся к рубрике «прочие». Изменение социального статуса не привело, однако, к размыванию их этноконфессиональной идентичности. Современные исследователи отмечают, что даже в настоящее время их потомки составляют особую общность, фольклорный багаж и обычаи которой восходят к старообрядческой культуре Дона¹⁵.

Кроме некрасовцев в Добрудже нашли себе приют приверженцы многочисленных староверческих толков и согласий. На Балканах за всеми ними (поповцами и беспоповцами, последователями или противниками Белокриничкой иерархии) закрепился в XIX в. единый конфессионим – липоване. Этимология этого слова не вполне понятна и вызывает споры. Наиболее убедительным представляется предположение, что в его основе могло оказаться самоназвание одного из староверческих согласий – филиппоны, появившегося на Балканах в числе первых поселенцев¹⁶.

В середине 40-х годов XIX в. общее количество староверов в Добрудже, Македонии, Молдавии, Бессарабии, Валахии и на Буковине составляло, по агентурным данным российского Министерства внутренних дел, более 30 тыс. человек. Из них порядка 10 тыс. приходилось на Добруджу, около 20 тыс. на Дунайские княжества и приблизительно 4 тысячи на Буковину (ставшую к тому времени владениями Австрийской империи)¹⁷. Согласно тем же данным, среди горожан наибольшими размерами выделялась липованская община Тульчи¹⁸. В 1866 г., согласно переписи Дунайского вилайета, распределение по городам так называемых «прочих» налогоплательщи-

ков было следующее: в Халжиоглу-Пазарджик – 27 160 человек, в Мачине – 5 780 (или 38,6 % от общего числа жителей), в Сулине – 1 090 (или 31,5 %), в Тульче – 49,5 %¹⁹.

Необходимо, однако, оговориться сразу. Данная статистика охватывала лишь жителей относительно крупных населенных пунктов, а основной контингент липован – крестьяне, были разбросаны по сельской местности. Среди наиболее крупных липованских сел Добруджи современники единодушно называли в середине 40-х годов XIX в. Татарицу под Силистрой (по преданиям, основанную в конце XVIII в. на земле, арендованной у татарских ханов)²⁰.

Одной из основных причин массовой миграции староверов на земли турецкого султана была политика веротерпимости османских властей. Ее базовые установки обуславливались функционировавшей в государстве системой миллетов (системой конфессионально-юридической и церковно-административной автономии)²¹. Концепция миллетов предопределяла невмешательство османов в те области повседневной жизни своих иноверных подданных, которые не были подчинены законам шариата. Регулирование этих сфер возлагалось на параллельные исламу церковные структуры, которые наделялись судебными и отчасти судебно-исполнительскими функциями. Конкретно-организационным проявлением деятельности миллетов выступали институты ограниченного самоуправления, действовавшие на базе церковно-территориальных общин, сформированных по принципу религиозно-территориального размежевания населения. Поскольку старообрядческие общины (вне зависимости от их внутреннего деления на толки и согласия) не подпадали под юрисдикцию ни одного из иноверческих миллетов (православного, армяно-григорианского, иудейского), то оставались в церковно-административном отношении автономными.

Социальный статус липован не отличался от положения рядовой христианской райи, однако вполне их устраивал, так как освобождал от воинской повинности, обеспечивал свободой в вопросах вероисповедания, а кроме того, не противоречил принятому в их среде принципу расселения (изолированными конфессиональными общинами). В условиях османских реалий староверы приобретали легитимную возможность формирования социума, члены которого могли существовать в условиях максимальной изоляции от внешнего мира, бережно сохраняя язык, обычаи, фольклор и полный комплекс этнодифференцирующих признаков²².

Еще более высокая степень закрытости была характерна для русских сектантов: хлыстов, скопцов, молокан и духоборов²³. Общины молокан и духоборов, относящихся к категории так называемых духовных христиан, близких по своему учению к протестантизму, существовали в Добрудже на

легальном положении и открыто вели пропаганду своего учения²⁴. Точных данных об их количественном составе нет. Известно лишь, что в 1865 г. количество их семей в окрестностях Тульчи значительно превышало сотню. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы дипломатической переписки российского МИД²⁵. Основной анклав духовных христиан располагался в тот период на территории Дунайских княжеств, где они также имели официальный статус. В частности, по данным Бессарабского статистического комитета, в 1861 г. в Аккермане числилось 233 молоканина²⁶.

Что касается хлыстов и скопцов, то в налоговых регистрах Дунайского вилайета их последователи вряд ли могли попасть в рубрику «прочие». Хотя в современной историографии становление хлыстовщины и скопчества принято соотносить с мистико-аскетическими движениями внутри русского раскола и даже причислять к старообрядцам²⁷, в рассматриваемый период их последователи были вынуждены скрываться на территории Османской империи под маской православных прихожан. До середины XIX в., по свидетельству современников, количество хлыстов и скопцов в Добрудже было значительным²⁸. Существовавший у российских властей обычай сдавать проходивших судебным процессам сектантов в солдаты, привел к распространению еретических учений в армии, а многочисленные русско-турецкие войны конца XVIII – первой половины XIX вв. позволили им благополучно закрепиться вместе с дезертирами в местах временной дислокации русских войск. Последнее крупное пополнение скопческих общин Добруджи произошло именно после пребывания здесь русских войск в период войны 1828–1829 гг.²⁹. С наступлением в Османской империи эпохи реформ (40-е годы XIX в.) представители этих сект столкнулись с гонениями, поэтому их основная масса была вынуждена или затаиться, или перебраться на левобережье Дуная³⁰. В 60-е годы XIX гг., по свидетельству русского писателя В.И. Кельсиева, их небольшие группы, хотя и имелись в Добрудже, но вынуждены были держаться скрытно³¹.

Особняком от русской старообрядческой диаспоры жили православные украинцы. Местное население называло их в середине XIX в. руснаками³². В XX в. это имя стало нередко употребляться в Болгарии и по отношению старообрядцев, хотя их единоверцы в Румынии официально продолжали сохранять название «липоване» или «руси липоване»³³.

Изначально организационным ядром малороссийской диаспоры были запорожские казаки, переселившиеся за Дунай после разорения в 1775 г. Запорожской сечи. По преданиям, к турецкому султану тогда ушли 5 тыс. сечевиков³⁴. Обосноваться на землях Османской империи им было разрешено на тех же условиях, что и некрасовцам: предоставление автономного военизированного статуса в обмен на службу в составе турецкого войска³⁵.

В начале XIX в. поселки запорожцев составляли в дельте Дуная некое подобие федерации самоуправляемых рыболовецких общин, объединенных в казачье войско. Вокруг них исторически группировались слободы, населенные беглыми крестьянами из южных областей Российской империи (Новороссии, Херсонщины, Черниговщины, Киевщины). Их жилища, располагавшиеся по соседству с казацкими поселениями, представляли собой самостоятельные административные единицы, но находились в подчинении Сечевого коша, который выполнял посреднические функции в контактах с турецкой администрацией. После того как в 1828 г. Задунайская сечь была ликвидирована, а казаки переведены на положение рядовой православной райи, произошло слияние потомков запорожцев с жителями этих слобод и формирование единой этноконфессиональной общности руснаков.

В 80-х годах XIX в. малороссийскую диаспору Добруджи обследовал румынский этнограф, профессор Бухарестского университета И. Лупулеску³⁶. По его наблюдениям, ее члены продолжали сохранять украинский язык, обычаи, фольклор, однако бытовой изоляционизм не был для них типичен. Руснаки поддерживали доброжелательные отношения со всеми категориями местного населения. В их среде нередко были даже случаи смешанных браков с русскими молочанами³⁷. Исключение составляли лишь некрасовцы, вражда с которыми вела свое начало с времен противостояния донских казаков с запорожцами за контроль над рыболовецкими промыслами дельты Дуная³⁸.

К сожалению, не представляется возможным определить даже приблизительный количественный состав данной диаспоры. Принятый в османской документации конфессиональный принцип стратификации населения не выделял их из общей массы православных подданных султана. С полной уверенностью можно лишь утверждать, что к моменту образования в 1864 г. Дунайского вилайета число руснаков в данном регионе было близко к историческому минимуму. Сохранилась информация о двух массовых исходах украинцев на историческую родину, которые непосредственно предшествовали рассматриваемому периоду. Первый пришелся на начало Крымской войны: в 1853 г. после распоряжения русского правительства о приеме в солдаты всех беглых, по Дунаю поползли слухи об освобождении ополченцев от крепостной зависимости. Тогда из руснацких сел за одно лето ушли в Россию более 1800 бурлаков (одиноких мужчин)³⁹. Апогея миграционная волна достигла в 1861 г. после водворения на Балканах крымских татар (совпавшего с актом отмены в России крепостного права). Массовое переселение украинцев на историческую родину состоялось организованно, в рамках акции российских властей по заселению опустевших земель Таврической губернии (август-сентябрь 1861 г.)⁴⁰. Тогда, согласно отчету Мини-

стерства государственных имуществ, было вывезено морем из Добруджи в Одессу 387 семей и 500 человек одиночек из числа бывших российских подданных⁴¹. Расселение осуществлялось на землях Симферопольского, Перекопского и Мелитопольского уездов Таврической губернии. Дополнительно сухопутным путем (из состава того же контингента) было переправлено в Россию 269 семей числом 1088 человек, и, кроме них, оставлено на зимовке в Таврической и Херсонской губерниях 408 семей в количестве 1524 душ⁴².

Это были те потенциальные налогоплательщики, преимущественно из православного сегмента российских диаспор, которых недосчитался в 1866 г. Дунайский вилайет. Впрочем, если говорить о диаспоре в целом, то 1866 год был отмечен не сокращением, а ее резким количественным увеличением. С середины 50-х годов XIX в. именно Дунайский вилайет стал одним из основных регионов расселения российских мухаджиров – крымских татар, этнически близким им ногайцев и многочисленных горских племен Северного Кавказа, получивших на Балканах печальную известность под именем черкесы.

В историографии нет единого мнения относительно общего количества этих переселенцев. Мнения варьируются в пределах от нескольких сот тысяч до полутора миллиона человек⁴³. По данным официального органа Дунайского вилайета газеты «Дунав», общее число мухаджиров данной волны на территории Османской империи превышало к январю 1866 г. 1 млн. человек⁴⁴. Беженцы размещались турецкими властями в провинциях Малой Азии, Балкан, Ближнего Востока, Аравийского полуострова и даже Египта. По подсчетам специалистов, из этого количества более 300 000 человек нашли себе приют именно на землях Дунайского вилайета, главным образом в Добрудже и на границе с Сербией⁴⁵.

Крымско-татарская диаспора имела на Балканах глубокие исторические корни. В историографии принято соотносить начало ее оформления с фактом установлением в 1475 г. вассальных отношений между Крымским ханством и Османской империей⁴⁶. Сохранились свидетельства очевидцев, что к концу XVII в. в Добрудже имелось около 200 татарских сел⁴⁷. В XVIII – первой половине XIX вв. основные волны массовых переселений татар совпадали с этапами военного противостояния между Россией и Турцией. По данным турецких историков, только за период 1815–1829 гг. общее число крымско-татарских беженцев составило около 200 000 человек⁴⁸. К середине XIX в., по информации австрийского консула в Рушук Э. фон Реслера, в Добрудже жили более 100 000 татар⁴⁹. Однако в налоговых переписях 1866 г. они не могли попасть в рубрику «переселенцы-мусульмане». Данная графа учитывала лишь мухаджиров последнего десятилетия, имевших право на

особые налоговые и социальные льготы, т.е. беженцев периода Крымской войны (1853–1856) и заключительного этапа Кавказской войны (1859–1864).

Накопленный отечественной и зарубежной историографией материал со всей очевидностью показывает, что заинтересованность Петербурга и Порты в переезде мусульман из пограничных районов северной части Причерноморья в Османскую империю была в рассматриваемый период обоюдной. Для России укрепление своих позиций в Крыму и на Кавказе имело стратегическое значение, связанное с обеспечением безопасности южных границ и свободного доступа к Черному морю. Порта надеялась восполнить посредством мусульманских мигрантов из-за рубежа людские потери, понесенные страной за годы Крымской войны, а также решить проблемы безопасности в приграничных районах Балкан⁵⁰.

Конкретным воплощением государственной политики Порты в данном направлении стал Закон о мухаджирстве, принятый 9 марта 1857 г. Согласно этому закону, для мусульманских беженцев устанавливались следующие льготы: они обеспечивались земельными участками и освобождались от уплаты поземельного налога сроком на 10 лет, на них распространялось освобождение от рекрутской повинности – в Румелии на 6 лет, в Анатолии на 12 лет (однако эта привилегия не запрещала мухаджирам записываться в армию в качестве добровольцев)⁵¹.

Одной из непосредственных причин принятия Закона о мухаджирстве стала необходимость урегулирования правового статуса татарских беженцев, потянувшихся в Турцию на заключительной фазе Крымской войны. По приблизительным оценкам, в 1855 – начале 1857 гг. эта цифра могла варьироваться в пределах 20-30 тыс. человек⁵². Первая партия переселенцев состояла в основном из жителей окрестностей Керчи, Еникале и Евпатории, вынужденных спасаться от невзгод военного времени под защитой оккупационной армии союзников. Проблема их размещения и пропитания превратилась в Крыму для союзников в неразрешимую задачу, вынудив их приступить в начале 1855 г. к эвакуации части голодающих в Варну с дальнейшим их размещением в Бабадагской области⁵³. Вторая партия попала на Балканы вместе с турецкими войсками. Порта организовала перевозку беженцев на военных транспортных судах вместе с своей армией. После высадки в гавани Балчуга мухаджиров временно размещали в армейских палатках, обеспечивая провиантом и минимальной суммой денег вплоть до дальнейшего водворения⁵⁴.

В Петербурге действия Порты раздражения не вызвали. На доклад новороссийского генерал-губернатора графа А.Г. Строганова, затрагивающего тему ухода крымских татар в Турцию, император Александр II отозвался, что не находит причин препятствовать их тайному или даже явному пересе-

лению, более того, по его мнению, «надлежит рассматривать представляющийся в настоящих обстоятельствах случай к добровольному переселению весьма благоприятным для освобождения края, хотя бы от этого вредного населения»⁵⁵.

Последний и наиболее массовый исход татар из Крыма накрыл Османскую империю весной-летом 1860 г. По официальной статистике губернско-го статистического комитета, за 1860 год из Таврической губернии выселились 192 360 душ обоего пола, т.е. больше половины местных мусульман (вместе с татарами ушли почти все ногайцы), опустели 784 деревни и аула⁵⁶, 1 098 531 десятин земли оказались заброшенными⁵⁷. По материалам, собранным героем обороны Севастополя генерал-адъютантом Э.И. Тотлебенем, командированным летом в 1860 г. в Крым для выяснения обстоятельств массового ухода мусульман, на полуострове осталось всего 30-40 тыс. татар (преимущественно на южном побережье), поля стояли необработанными, промышленность замерла, соляные промыслы встали, дороги обезлюдели⁵⁸.

В отечественной историографии принято увязывать основную причину массового исхода татар с агитацией турецких эмисаров и исламского духовенства, произволом со стороны чиновников, мурз и местных землевладельцев, в западной – акцентировать внимание на теме геноцида⁵⁹. Однако тот факт, что весной-летом 1860 г. эмиграция активно поощрялась российскими должностными лицами, не вызывает, пожалуй, сомнений ни у кого.

Появление на Балканах огромного количества мусульманских беженцев вызвало необходимость серьезного участия государства в их обустройстве. В 1860 г. в Стамбуле была сформирована Верховная комиссия по делам мухаджиров, которая входила в ведение министерства торговли, отвечая за их расселение и выделение материальной помощи. Летом 1861 г. она получила независимый статус, собственный бюджет, штат служащих и право отдавать распоряжения местным органам власти. В соответствии с решениями Верховной комиссии и ее региональных представительств на местное население легли значительные тяготы по обустройству переселенцев: участие в постройке для них жилья и обеспечении продовольствием.

В количественном соотношении распределение татар на территории Восточной Румелии было приблизительно следующее: 6 тыс. человек власти расселили во Фракии, 13 тысяч в окрестностях Силистры и Видина, 12 тысяч в районе Софии и Ниша, 10 тысяч в околиях Свищова, Никополя и Оряхово⁶⁰. На территории будущего Дунайского вилайета основным местом водворения стала Добруджа и окрестности Видина⁶¹. В центральной части Добруджи султан Абдул-Меджид специально построил для татар новый город, названный его высочайшим именем – Меджидия⁶². Особо высокой

концентрацией татарской диаспоры отличались окрестности Хаджиоглу Пазарджика и Кюстенджи⁶³. К 1880 г. общее количество татарского мужского населения составляло на территории северной и южной части Добруджи более 40 000 человек⁶⁴.

Крымские татары и ногайцы исключительно удачно вписались в экономику северо-востока Балкан, степи которых напоминали природные условия их исторической родины. На новом месте основным занятием переселенцев остались земледелие, овцеводство, отхожий промысел⁶⁵. Как и в Крыму, татары отличались непритязательностью в быту (средняя налоговая оценка их домов втрое уступала в 70-х годах XIX в. жилищу болгар и турок⁶⁶), а также редким трудолюбием. По поводу их последнего качества российский вице-консул в Варне В.И. Нягин писал в декабре 1867 г. буквально следующее: «Здесь край только начинает развиваться в коммерческом отношении благодаря переселившимся из России крымским татарам, а до того богатая почва Добруджи оставалась невозделанной и представляла собой пустую степь, способную только для пастбища»⁶⁷.

Крымско-татарская диаспора Добруджи сохранила вплоть до настоящего времени ярко выраженное этническое самосознание, историческую память, собственный язык, обычаи и фольклор⁶⁸. До 70-х годов XX в. смешанные браки с местным населением, даже с турками, были явлением редким⁶⁹. Однако конфликтностью эта диаспора не отличалась. До 1878 г. некое подобие социального напряжения было зафиксировано в связи с ней лишь один раз. В 1861 г. на фоне массового водворения татар проявилось недовольство христиан, вызванное тяготами по их обустройству и необходимостью выделения для мухаджиров земли. Данный фактор явился основанием для формирования встречного миграционного потока в Россию. В этот процесс, в частности, оказались втянуты летом 1861 г. около 1,5 тыс. болгарских семей Видинского санджака и несколько десятков семей молочан Добруджи⁷⁰. Однако подавляющее большинство болгар уже на следующий год благополучно возвратились на родину, а о новых конфликтах историкам ничего не известно. Подтверждением тезиса о мирном сосуществовании татар с коренным населением могут служить и относительно низкие масштабы их миграции из Добруджи в Турцию после 1878 г. В 1930 г. татарская диаспора продолжала оставаться в этом регионе достаточно крупной, насчитывая в своем составе более 22 тыс. душ мужского пола⁷¹.

Принципиально иначе сложилась на Балканах судьба кавказских мухаджиров. До 1859 г. горцы обычно эмигрировали во владения турецкого султана под видом паломников-хаджи. Российские власти препятствий им не чинили: хаджи дозволялось свободно, без лишних объяснений продавать все имущество и брать с собой не только членов семьи, но и челядь⁷². В ав-

густе 1859 г. (после пленения имама Шамиля) сопротивление горцев Чечни и Дагестана было сломлено. В ноябре того же года на совещании командования Кавказской армией был принят разработанный командующим войсками Кубанской области генерал-адъютантом Н.И. Евдокимовым план дальнейшего покорения Кавказа, предусматривавший вытеснение горцев на равнины с последующим переселением в Оренбургскую губернию или в Османскую империю. Освободившиеся земли предназначались для колонизации. К портам Азовского моря и Керчи потянулись толпы беженцев, которым беспрепятственно выдавался заграничный паспорт до Трапезунда или Константинополя⁷³.

Однако массовый исход начался несколькими годами позднее, в последний год Кавказской войны. По подсчетам дореволюционного историка А.П. Берже, в 1864–1865 гг. в Османскую империю было официально выселено с Кавказа 384 529 человек, общее же количество выехавших в Турцию, начиная с 1858 г., достигало 493 194 человек⁷⁴. Из этого количества, по данным российского МИД, к июню 1865 г. в Добрудже было водворено 80 тыс. черкесов⁷⁵.

С российской стороны дипломатическая подготовка к началу массовой депортации горских племен была проведена осенью 1863 г. 5 декабря 1863 г. временно исполнявший обязанности российского посланника в Стамбуле Е.П. Новиков сообщил начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову о завершении переговорного процесса. Порты не отказывала в приеме кавказских мухаджиров, но выдвигала два условия: право самой выбирать районы для их водворения и не начинать выселения до мая 1864 г. (чтобы иметь возможность подготовиться к приему)⁷⁶.

Однако вопреки достигнутым договоренностям неподготовленное переселение огромных масс людей началось в декабре 1863 г. Их переезд в Османскую империю осуществлялся, по признанию российского вице-консула в Трапезунде А.Н. Мошнина, множеством нанятых им мелких каботажных судов⁷⁷, абсолютно не приспособленных к плаванию в зимнее время. Как и следовало ожидать, в Трапезунде – главном пункте приема беженцев – практически мгновенно сложилась тяжелейшая антисанитарная обстановка, сопровождавшаяся эпидемией тифа, оспы, чешотки и, как следствие, ужасающей смертностью – в день умирали до 40-60 человек⁷⁸. Стремясь избежать гуманитарной катастрофы, турецкие власти были вынуждены срочно перенаправить часть потока беженцев в порт Варны.

Судя по документам, первые два парохода с горцами, доставившие 850 и 980 человек, прибыли в Варну уже 11 и 14 декабря 1863 г., в январе были доставлены еще более тысячи душ обоего пола⁷⁹. Сохранились несколько дипломатических донесений с описанием событий тех дней⁸⁰. Вот что за-

свидетельствовал, например, управляющий российским вице-консульством в Варне А.А. Ольхин: «Турецкие власти сперва встретили своих единоверцев очень ласково. Так, например, когда везли переселенцев в Варну, погода была холодная, то турки развели на пристани несколько костров, чтобы согреть замерзших на пароходе. Но коль скоро лодочники начали высаживать пассажиров – голых, босых, истощенных, больных и едва полуживых, когда, наконец, вывезли около 46 трупов умерших за одну ночь на пароходе черкесов, то турки испугались и стали говорить: «Не привезут ли к нам наши гости из Азии заразных болезней» и начали обращаться хладнокровнее с переселенцами. По распоряжению местной карантинной службы, прибывшие были размещены вдали от города в старых, плохо приспособленных для жизни и, главное, практически лишенных отопления армейских казармах, где им было выдано списанное воинское обмундирование, специально присланное для этой цели из Стамбула. И хотя раз в сутки их посещал врач, смертность оставалась очень высокой – 12-20 человек в день.

В мае 1864 г. переселенческая волна с Кавказа получила новый импульс. По признанию генерал-майора М.Т. Лорис-Меликова, ему удалось договориться с осетинским генералом М.А. Кундуховым о распространении среди горцев слухов о необходимости срочного ухода в Турцию. С этой целью им была передана для перевода на русский язык и тиражирования единственная имевшаяся в наличии прокламация Порты, призывавшая горцев к переселению⁸¹. Тогда же, в мае 1864 г., российское военное ведомство смогло, наконец-то, торговаться с Русским обществом пароходства и торговли об относительно выгодных условиях перевозки беженцев в Турцию. Основными пунктами их приема были назначены порты Варны и Кюстенджи⁸². 30 июня 1864 г. Е.П. Новиков писал на Кавказ А.П. Карцову: «Переселение продолжается деятельно. Главным высадочным пунктом остается Кюстенджи, откуда по железной дороге препровождают их в местности по сербской границе»⁸³. На тот момент, согласно статистике специально сформированной Черкесской комиссии, численность беженцев составляла 160 тыс. человек, из них умерли 30 700 душ, а 12 300 были отправлены в Варну⁸⁴.

Хотя прием мухаджиров был связан для Порты с огромными денежными затратами, вынудив ее, в частности, позаботиться о заключении летом 1864 г. крупного денежного займа в размере миллиона турецких лир (около 6 млн. руб. серебром)⁸⁵, от приема мусульманских переселенцев она не отказывалась. В ее намерения входила, в частности, реализация плана генерал-губернатора Дунайского вилайета Мидхат-паши, предусматривавшего создание военизированных черкесских поселений для защиты всей приграничной зоны от устья Дуная до Косово⁸⁶. Решению именно этой задачи служил, скорее всего, и выбор основных пунктов водворения: Добруджа (район

Тулчи, Бабадага, Силистры), причерноморская зона (районы Кюстенджи и Варны), линия вдоль Дуная (Рушук, Никополь, Видин), окрестности Софии, Ниша и, наконец, Косово поле⁸⁷. Первоначально турецкие власти пытались расселять мухаджиров отдельно от коренных жителей, строя для них особые поселки размером в 70-80 и 100-150 домов, однако смешанная система расселения вскоре возобладала⁸⁸.

В среде местного населения не только Балкан, но мусульман Малой Азии черкесы быстро заслужили крайне дурную репутацию. В июне 1864 г. А.Н. Мошнин сообщал А.П. Карцову из Трапезунда, что грабежи в регионе стали явлением повсеместным, что «суда на черкесов нет, и местные власти их боятся», что «поселение черкесов во внутрь пашалыка заставляет многих покинуть свои земли и удалиться от столь опасного соседства», что многие христиане начали наводить у него справки, «что думает делать с завоеванными землями русское правительство и не дозволит ли им селиться там»⁸⁹. В Румелии резкое недовольство христиан привело к требованиям о прекращении водворения, подкреплявшимся угрозами о возможном переселении в Россию («на места, оставленные горцами») ⁹⁰. Летом 1864 г. начали зондировать почву на предмет переезда в Амурский край молокане Добруджи, в феврале 1865 г. они подали соответствующее прошение российскому вице-консулу в Тульче⁹¹. Подъем интереса к идее переселения отмечал в среде болгар весной 1865 г. российский консул в Видине М.А. Байков⁹². В обоих случаях жители напрямую увязывали свои намерения с водворением кавказцев. Молокане откровенно жаловались, что «с появлением черкесов положение христианского населения стало невыносимым: оно обязано строить им жилища, обрабатывать поля, но не ограждено от грабежей этих дикарей и кровавых стычек с ними. Многие уже лишились рабочей скотины из-за воровства, посредством которого пришельцы обзаводятся лошадьми и скотом. Вооруженные нападения на некоторые христианские селения навели всеобщий страх на мирных поселян и они, оставляя свои усадьбы и поля, спешат искать убежище в Придунайских княжествах»⁹³.

Расчет османских властей на использование военного потенциала кавказских мухаджиров для обеспечения безопасности на территории Румелии полностью оправдал себя. Именно башибузуки из числа горцев отличились особой жестокостью и грабежами в процессе подавления в 1876 г. так называемого Апрельского восстания болгар. Данный инцидент стал для России поводом для постановки вопроса о выселении черкесов с Балкан в азиатские провинции Турции. В частности, этот вопрос официально поднимался русским послом в Стамбуле Н.П. Игнатьевым в ходе работы Константинопольской конференции (декабрь 1876 – январь 1877). Запрет на использование на территории Болгарского княжества вооруженных формирований черкесов

российской стороне удалось включить отдельным пунктом в текст Сан-Стефанского мирного договора и Берлинского трактата. После 1878 г. кавказская диаспора Дунайского вилайета полностью прекратила свое существование.

В заключение статьи хотелось бы отметить, что представленный материал свидетельствует о полноценном участии российских диаспор в формировании этнодемографической карты если не всего Дунайского вилайета, то, по меньшей мере, его северо-восточной части. Если исходить из османской налоговой статистики, обнародованной Н. Тодоровым, в середине 60-х годов XIX в. суммарное количество различных категорий мужчин-налогоплательщиков – выходцев из России, могло достигать в поселениях городского типа Добруджи порядка 100 000 человек. На фоне этой цифры поток массовых переселений XVIII–XIX вв. из России в Турцию выглядит симметричным по отношению к встречному движению из Османской империи в южнорусские губернии. Несмотря на различия в причинах и особенностях формирования этих потоков, в них прослеживается общее: они объективно способствовали формированию в приграничных областях крупных иноэтничных диаспор, в значительной степени определявших этнокультурную специфику региона.

Примечания

¹ Михов Н. Населението на България и Турция през XVIII и XIX в. Т. 2. София, 1924. С. 28.

² Тодоров Н. Балканският град. XV–XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972. С. 328.

³ Тодоров Н. Балканският град; Димитров Стр., Жечев Н., Тонев В. История на Добруджа. Т. 3. София, 1988; Todorova M. Balkan Family and European Pattern Demographic Developments in Ottoman Bulgaria. The American University Press, 1993; Драганова Сл. Селското население на Дунавски вилает. София, 2005; Тафрова М. Танзиматът, вилаетската реформа и българите. Администрация на Дунайския вилает (1864–1876). София, 2010; Щерионов Щ. Демографско развитие на българските земи през Възраждането. Велико Търново, 2012.

⁴ Тодоров Н. Балканският град. С. 327-328, 333-334.

⁵ Там же. С. 327-328.

⁶ Там же. С. 327-328, 333-334.

⁷ Кирилл, патриарх Болгарский. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX в. Т.1. 1859–1865. София, 1965. С. 253; Еленков И. Католическата църква по източен обряд в България по време на нейното учредяване с присъединяване на част от българския народ к Рим през 1860 г. до средата на XX век. София, 2000. С. 75; Бонева В. Българското църковнонационално движение. 1856–1870. София. 2010. С. 292, 508, 736, 995. 1002; Генев Г.

Американският принос за възраждането на българщината, с особен поглед към личността на Илайъс Ригс // Исторически архив. 2000/2001. №9/10. С. 44.

⁸ *Щерионов Щ.* Демографско развитие... С. 270; Димитров Стр., Жечев Н., Тонеев В. История на Добруджа. Т. 3. С. 189-192.

⁹ Подробно см.: *Пригарин А.А.* Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса-Измаил-Москва, 2010. С. 29-96.

¹⁰ *Бачинский А.Д.* Некрасовские поселения на нижнем Дунае и в южной Бессарабии // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1971; Смирнов И.В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. №8; Волкова Н.Г., Заседателева Л.Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия № 8. (История). 1986. № 4; Феноген С. Сарикей. Страницы истории. Бухарест, 1998; Феноген С. Несколько вопросов добруджанского этапа некрасовской истории // Культура русских липован в национальном и международном контексте. Вып. 4. Бухарест, 2006; Sizoï I. Nekrasovite Cossacks in Dobrudja (1740-1864) // Dobrudja: A Cross Cultural Pool. A Multi-Ethnic Space. Târgoviște, 2007.

¹¹ *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Т.1. Лондон, 1860. С. 125.

¹² *Пригарин А.А.* Русские старообрядцы на Дунае. С. 152, 174.

¹³ Sizoï I. Nekrasovite Cossacks in Dobrudja (1740-1864). P. 25-26.

¹⁴ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Русские подданные турецкого султана // Славяноведение. 2003. №. 1; Она же. Старообрядцы на землях Османской империи: пути миграции, система расселения (XVIII в. – 70-е гг. XIX) // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XIX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России. СПб., 2011.

¹⁵ *Критска-Иванова Е.Ф.* Типология и эволюция свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С.216; *Атанасова Е.* Старообрядците в България. Мит – история - идентичност. София, 1998. С.45-85.

¹⁶ *Сайко М.Н.* Возникновение старообрядческих поселений на Буковине (70-80-е. годы XVIII–XIX в.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.1. М., 1994. С. 32.

¹⁷ *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках С. 135.

¹⁸ Там же. С. 123-124.

¹⁹ *Тодоров Н.* Балканският град. С. 327-328, 333-334.

²⁰ *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках. С. 124.

²¹ Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society. V.1-2. N.Y., 1982; Karpat K. An Inquiry into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes, from Millet to Nations. Princeton, 1973.

²² *Кирилъ Ф.* Русская липованская община в Румынии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Африки. Новосибирск, 1992; Леонидова М. Один восточно-славянский диалект в южно-славянском окружении

- // Славистични изследвания. Т.3. София, 1973.; Романска Ц. Фолклор на русите некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийски университет. Историко-филологически факултет. 1959. № 2; Кауфман Н. Песни на казаците некрасовци от България // Българска музика. 1963. № 5; *Узенева Е.С.* Движение в пространстве как способ сохранения идентичности казаков-некрасовцев в Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008; Она же. Способы выражения оценки в речи старообрядцев Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011; *Еролова Й.* Добруджа. Границы и идентичност. София, 2010 С. 229-250; *Пригарин А.А.* Русские старообрядцы на Дунае. С. 299-446.
- ²³ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Очевидцы о русском расколе в нижнем Подунавье (середина XIX в.) // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII-XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010.
- ²⁴ *Сырку П.А.* Русские мистические секты в Румынии // Христианское чтение. 1879. №.1. С. 68.
- ²⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 450. Д. 67. Л.289 об., 298, 297 об.
- ²⁶ *Абакумова-Забунова Н.В.* Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, 2006. С. 130, 93.
- ²⁷ Подробно см.: *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С.8.
- ²⁸ *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках. С.124.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Кельсиев В.И.* Святорусские двоеверы. Богиня Авдотья // Заря. 1869. Октябрь.
- ³² *Лутулеску И.* Русские колонии в Добрудже (историко-этнографический очерк) // Киевская старина. 1889. № 3. С. 701.
- ³³ *Еролова Й.* Добруджа. С. 16-17.
- ³⁴ *Кондратович Ф.* Задунайская сечь (по местным преданиям и рассказам) // Киевская старина. 1883. № 1. С. 27.
- ³⁵ Подробно см.: *Скальковский А.* История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Т. 1-3. Одесса, 1886.; *Бачинский А.Д.* Січ Задунайська 1775-1828: Историко-документальный нарис. Одесса, 1994; *Макарова И.Ф.* Русско-турецкая война 1828-1829 гг. и конец Задунайской сечи // Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009.
- ³⁶ *Лутулеску И.* Русские колонии в Добрудже (историко-этнографический очерк) // Киевская старина. 1889. № 1, № 2, № 3.
- ³⁷ *Лутулеску И.* № 3. С. 692.
- ³⁸ *Лутулеску И.* № 2. С. 331-333.
- ³⁹ *Лутулеску И.* № 1. С. 153.

- ⁴⁰ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Между Россией и Балканами: задунайские молokane в миграционных потоках 60-х гг. XIX в. // *Славяноведение*. 2013. № 4.
- ⁴¹ Журнал Министерства государственных имуществ (ЖМГИ). 1862. № 3. С. 250-251.
- ⁴² ЖМГИ. 1862. №2. С. 318.
- ⁴³ *Тодорова М., Тодоров Н.* Проблеми и задачи на историческата демография на Османската империя // *Балканистика*. Т. 2. София, 1987. С. 18-46; Антонов С. Татарите в България. Добрич, 2004. С.61-62; Водарский Я., Елисеева О., Кабузан В. Население Крыма в конце XVIII - XX веков (численность, размещение, этнический состав). М., 2003. С. 87; Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 35-40; Маккарти Дж. Смерть и изгнание. Этническо прочистване на османските мюсюлмани. 1821-1922. София, 2010. С. 51-53; Mejer J.H. Immigration, return and the politics of citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1860-1914 // *International Journal of Middle East Studies*. 2007. V.39. P. 15-32; Isla Rosser-Owen S. The First "Circassian Exodus" to the Ottoman Empire (1853-1867) and the Ottoman Response, Based on the Accounts of Contemporary British Observers. A Maaster Thesis. Universiti of London, 2007. P. 14-26; Karpat K. Ottoman Population 1830-1914. Demographic and Social Characteristics. Wisconsin. P. 66-69; Pinson M. Ottoman Colonization of the Circassians in Rumili after the Crimean War // *Etudes Balkaniques*. 1972. № 3. P. 75.
- ⁴⁴ Дунав. 1866. №48. 26 января.
- ⁴⁵ *Мучинов В.* Основни насоки в миграционната политика на османската власт в Дунавския вилает през 60-те – 70-те години на 19 век // *Списание на Българската Академия на науките*. Кн. 4. 2012. С. 33.
- ⁴⁶ *Мутафчиев П.* Избрани съчинения. Т. 4. Добруджа. София, 1947. С. 76; Димитров Стр., Жечев Н., Тонеев В. История на Добруджа. Т. 3. С. 37; Бешков Л. Добруджа през вековете. Добрич, 1999. С. 19.
- ⁴⁷ *Първеев Г.* Полски пътеписи за българските земи от 1677 г. // *Известия на българското историческо дружество*. 1972. Т. 28. С.354.
- ⁴⁸ *Еролова Й.* Добруджа. С. 32.
- ⁴⁹ *Ников П.* Едно неизвестно описание на българския черноморски бряг от XVIII век // *Годишник на Софийски университет. Историко-филологически факултет*. 1932. Т. 28. С. 135.
- ⁵⁰ *Dursun S.* Population policies of the Ottoman state in the Tanzimat era: 1840-1870. Istanbul, 2001. P. 30; Karpat K. Ottoman Population 1830-1914. P.35; Karpat K.H. Ottoman Urbanism: the Crimean Emigration to Dobruca and the Founding of Mecidiye. 1856-1878 // *Karpat K. Studies on Ottoman Social and Political History*. Brill, 2002. P.205.
- ⁵¹ *Бэрээдж Н.* Изгнание черкесов. Майкоп, 1996. С. 115-116.
- ⁵² *Кырымлы Х.* Крымские татары и Османская империя во время Крымской войны // *The Crimean War 1853-1856. Colonial Skirmish or for World War? Empires, Nations and Individuals*. Warszawa, 2011. С. 350.
- ⁵³ *Кырымлы Х.* Крымские татары... С. 343.
- ⁵⁴ Там же. С. 345, 347.

- ⁵⁵ *Маркевич А.Н.* Переселение татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Отд. Гуманитарных наук. 7 ряд. Л., 1928. С.395.
- ⁵⁶ *Маркевич А.Н.* Переселение татар в Турцию ...С. 403.
- ⁵⁷ *Вольфсон Б.М.* Эмиграция крымских татар в 1860 г. // Исторические записки. 1940. № 9. С. 192.
- ⁵⁸ *Тотлебен Э.И.* О выселении татар из Крыма в 1860 году. Записки генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена // Русская старина. 1893. № 6. С. 546, 542-547.
- ⁵⁹ Подробно см.: *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России. XVIII-XX вв. М., 1998; Pinson M. Russian Policy and the Emigration of the Crimean Tatars to the Ottoman Empire, 1854-1862 // Güney-Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi. 1972. № 1; Williams B.G. Hijra and Forced Migration from Nineteenth-Century Russia to the Ottoman Empire. A Critical Analysis of the Great Crimean Tatar Emigration of 1860-1861 // Cahiers du Mond russe. 2010. Vol. 41. № 1.
- ⁶⁰ *Тодоров Н., Косев К.* Българското общество през трета четвърт на XIX в. Демографски процеси // История на България. Т. 6. Българското възраждане. 1856-1878. София, 1987. С. 80.
- ⁶¹ *Ташева М.* Татарите в село Дебово, Плевенско // Векове. 1975. №4; Драганова С. Някои статистически данни за татарите в Шуменска и Силистренска каза през 70-те години на XIX в // Известия на държавните архиви. 1979. Т. 36; Pinson M. Russian Policy and the Emigration of the Crimean Tatars to the Ottoman Empire, 1854-1862 // Güney-Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi. 1972. № 1; Karpat K. The Crimean Emigration of 1856-1862 and the Settlement and Urban Development of Dobruca // Passe tuco-tatar, present sovietique: etudes offertes Alexandre Bennigsen. Paris, 1986; Антонов Ст. Татарите в България. Добрич, 2004.
- ⁶² *Karpat K.H.* Ottoman Urbanism: the Crimean Emigration to Dobruca and the Founding of Mecidiye. 1856-1878 // Karpat K. Studies on Ottoman Social and Political History. Brill, 2002. P.202-235.
- ⁶³ *Стоилов А.* Окръг Кюстенджа – територия и население // Научна експедиция в Добруджа. София, 1994. С. 290-306.
- ⁶⁴ *Антонов Ст.* Татарите в България. С. 70
- ⁶⁵ *Драганова Сл.* Селското население на Дунавски вилает. София, 2005. С. 56.
- ⁶⁶ Там же. С. 174.
- ⁶⁷ Русия и българското национално-освободително движение. Документи и материали. Т.3. София, 2002. Док. № 73. С. 149.
- ⁶⁸ *Еролова Й.* Добруджа. С. 47-99.
- ⁶⁹ Там же. С. 76-77.
- ⁷⁰ Подробно см.: *Фролова М.М.* Русское консульство в Видине и переселение болгар в Россию (1861 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; Макарова И.Ф. Между Россией и Балканами: задунайские молokane в миграционных потоках 60-х гг. XIX в. // Славяноведение. 2013 №4.

- ⁷¹ *Andrescu G. Tătarii din România: tema identitare. București. 2005. P. 117-118.*
- ⁷² Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70 гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001. С. 85-86.
- ⁷³ Там же. С. 86.
- ⁷⁴ *Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – начало XX в.). Махачкала, 2000. С. 10-11.*
- ⁷⁵ РГВИА. Ф. 450. Д. 67. Л.300.
- ⁷⁶ Проблемы Кавказской войны... Док. № 178. С. 235-236.
- ⁷⁷ Там же. Док. № 197. С. 261-263.
- ⁷⁸ Там же. Док. № 186. С. 248-249.
- ⁷⁹ Там же. Док. №. 185. С. 247; Док. № 193. С. 254.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. С. 20.
- ⁸² Там же. Док. № 202. С. 267-268; Док. № 216. С. 279-280.
- ⁸³ Там же. Док. № 243. С. 305.
- ⁸⁴ Там же. Док № 219 С. 283.
- ⁸⁵ Там же. Док № 243. С. 305.
- ⁸⁶ Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Албании в XIX столетии. Сухуми, 1975. С. 232.
- ⁸⁷ Karpat K. *Ottoman Population 1830-1914. P. 66-69.*
- ⁸⁸ Мучинов В. Основни насоки в миграционната политика на османската власт ... С.33-34.
- ⁸⁹ Проблемы Кавказской войны ... Док. № 235. С. 298-299; Док. № 238. С. 300-302.
- ⁹⁰ Там же. Док. № 201. С. 266-267.
- ⁹¹ РГВИА. Ф. 450. Д. 67. Л. 288-288 об.
- ⁹² Русия и българското национално-освободително движение. Документи и материали. Т.2. София, 1990. Док. №. 81. С. 176-177; Док. № 89. С. 188-189.
- ⁹³ РГВИА. Ф. 450. Д. 67. Л.298 об. 299.